

**ПЕРВЫЕ КИТАЙЦЫ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
(СЕРЕДИНА XVII ВЕКА)**

На основе опубликованных и архивных документов дается информация о появлении в Русском государстве в 1650-х гг. в качестве военнопленных и перебежчиков первых этнических китайцев.

Ключевые слова: Сибирь, русско-китайские отношения, китайцы, никанцы, толмачи.

В 1650-х гг. русские землепроходцы, пытаясь утвердить власть государя «всяя Руси» над Приамурьем, столкнулись с противодействием маньчжуров, рассматривавших данный регион как территорию, подконтрольную их государству – Цинской империи. Ряд вооруженных столкновений привел к появлению у тех и у других военнопленных и перебежчиков. Документально зафиксированы и случаи, когда у русских оказались китайцы.

Первым китайцем был Кабышейка, попавший к русским в плен после сражения казаков Е. Хабарова с маньчжурами 24 марта 1652 г. под Ачанским острогом. На допросе он назвал себя «богдойским служилым человеком Нюлгуцкого города» [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 136]. Нюлгуцкий город, или Нингута (ныне Нинъань), расположенный в Маньчжурии вблизи Амура, в 1650-х гг. являлся главной базой маньчжуров в их войнах с русскими. В этот город маньчжуры ссылали для несения службы китайцев из завоеванных ими провинций Китая (см.: [Записки о Нингутае, 1857]. В своем допросе Кабышейка, рассказывая о ситуации в Китае, сообщил, что он «родом Никанской земли», «что де нас богдойской царь Шамшакан, никанских людей, в пределех воюет» и что «никанской де царь ясаку никому не дает» [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 137]¹.

В историографии существует несколько версий политической и этнической идентификации никанцев и Никанского царства [Соколов, 1999. С. 3–4]. Но верной представляется отнесение никанцев к китайцам. И если следовать информации Кабышейка, то никанцами он называл жителей тех территорий Китая, которые после падения Минской империи и вторжения маньчжуров (1644 г.) продолжали оказывать последним сопротивление и сохраняли верность Минской династии. К 1650-м гг. таким наиболее крупным очагом антиманьчжурской борьбы был Южный и Юго-Восточный Китай. Под «никанским царем» Кабышейка, надо полагать, имел в виду одного из потомков последнего минского императора². Можно указать и на этимологию «Никанского царства», данную в «Описании первой части вселенной, именуемой Азией...» (1677 г.). В этом произведении, часто приписываемом Н. Г. Спафарию-Милеску³, указывается, что так в маньчжурском Китае называли «Старый Китай», т. е. Китай эпохи Минской династии [Спафарий, 1960. С. 189]. Ранее понятие «Старый Китай» в от-

¹ См. также: [Фишер, 1774. С. 596; Мясников, 1980. С. 78].

² О лидерах антиманьчжурского сопротивления см.: [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 551].

³ Английский историк Дж. Бэддли (John F. Baddely) выявил, что основная часть «Описания» является переводом текста «Novus Atlas Sinensis» (1655 г.) иезуита Мартини, экземпляр которого Спафарий получил в Пекине от другого иезуита голландца Ф. Вербиста (Вербиеста). См.: [Вернадский, 1997. С. 206–207]. Ср.: [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 559, 560].

ношении неподвластной маньчжурам китайской территории употреблял в своем «Статейном списке» Ф. И. Байков, посетивший Пекин в 1656 г. [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 187]. Этнополитоним «никанцы», который был зафиксирован русскими казаками, воспринимавшими на слух речь Кабышейка (и возможно, в переводе на русский с маньчжурского), является, скорее всего, искажением основного самоназвания китайцев – хань, ханьцы⁴. Кабышейка собственно был первым, от кого русские в 1652 г. узнали о существовании никанцев и Никанского царства⁵. Но судьба самого Кабышейки после его пленения хабаровцами остается неизвестной.

Четвертого июля 1654 г. казаки, на этот раз из отряда О. Степанова, «изымали» во время похода по Амуру еще одного «никанского мужика». В своей отписке, датируемой августом 1654 г., Степанов не назвал имя пленного, но пересказал его «роспрос». Никанец поведал, что «он полонен невелик из Никанского царства, а полонил де ево богдойской царь и продан де он в Дючеры в холопи» [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 194]. В другой своей отписке, отправленной после 4 апреля 1655 г. из Кумарского (Усть-Комарского) острога, Степанов информировал якутского воеводу М. С. Лодыженского о том, что посылает в Якутск для дальнейшей отправки в Москву «выезжих новокрещенных иноземцев Никанского царства полонеников 2 человек», но опять не назвав их имена. По их поводу он сообщил следующее: «А полонил де их богдойской царь в свою Богдойскую землю, и из тое Богдойские земли проданы те полоненики на великую реку Амур в Даурскую землю в холопи. И те никанские люди били челом... и подали челобитные... о крещении, чтобы их государь пожаловал, велел привести в православную христианскую веру... И те никанские люди в нынешнем 163 году (1654/55 г. – А. З.) по их челобитью в православную христианскую веру приведены...» [Там же. С. 206].

Из этих отписок следует, что в отряде Степанова оказались три китайца – никанских мужика. Причем все они угодили на Амур в качестве военнопленных, проданных маньчжурами дучерам и даурам. Данный факт свидетельствует как о способах наказания маньчжурами южно-минских воинов, так и о практике, по сути, работорговли, имевшей место в отношениях между маньчжурами и населением Приамурья.

В своей отписке Степанов не сообщил, когда именно и при каких обстоятельствах упомянутые в ней два никанских «полоненика» попали к русским. Но можно уверенно предположить, что это произошло до того, как 13 марта 1655 г. маньчжурское войско, в составе которого были и никанцы, начало осаду Кумарского острога (она продолжалась до 4 апреля того же года). И в русском стане «полоненики» находились достаточно долго: факт крещения свидетельствует о том, что китайцам и русским требовалось время, чтобы привыкнуть друг к другу. Не исключено, что крещение случилось уже после того, как маньчжуры потерпели поражение и отступили от острога, и благодаря этому казакам удалось убедить никанцев в силе и правоте русского бога. Из источников не известно, был ли в составе отряда Степанова священник. Но обряд крещения в его внешней форме был знаком если не каждому, то многим казакам, так что любой из них мог его осуществить. А. Р. Артемьев [2001. С. 85] полагал, что это сделал сам Степанов.

После ухода маньчжуров из-под Кумарского острога Степанов в мае 1655 г. отправил никанцев в сопровождении казаков Трофима Никитина и Богдана Габышева «с товарищи» в Якутск [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 205, 210; Красноштанов, 2008. С. 508, 509]. Краткая информация об их дальнейшей судьбе содержится в документах, сохранившихся в фонде Якутской приказной избы⁶. Из нее следует, что никанцы прибыли в Якутск в начале июня 1655 г. Причем их было не двое (об отправке которых писал Степанов), а трое. Третьим был тот, кто попал к Степанову 4 июля 1654 г. Поскольку о нем ничего не говорилось в сопроводительной отписке Степанова, воевода Лодыженский расспросил Никитина и

⁴ О версиях, объясняющих значение слова «никанцы», см.: [Захаров, 1875. С. 228; Шренк, 1883. С. 195–196; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 155].

⁵ Этнополитоним «никанцы» и политоним «Никанское царство» встречались в русских официальных документах до 1660-х гг. В последующем они исчезли из делопроизводственной лексики, продолжая, однако, использоваться в разных смысловых интерпретациях в географических описаниях и картографии второй половины XVII – начала XVIII в. Об этом см.: [Соколов, 1999].

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 1127.

Габышева. Последние «сказали, что де третьей полоненик ... послан из Даур в Якутцкой острог для того, что де иные полоненики про него сказывали, что де он в ум не крепок и хотел бежать в дауры, а для де чево Онофрейко (Степанов. – А. 3.) в Якутцкой про того... не писал, того де они не ведают»⁷. Исходя из этого можно предположить, что Степанов планировал оставить этого никанца у себя (возможно, для толмачества), но тот решил бежать, и, видимо, уже после того, как Степанов закончил составление своей отписки в Якутск. Поэтому Степанов, не утруждая себя написанием еще одной отписки (то ли из-за спешки, то ли из-за экономии бумаги, которой, как он сам писал, «на великой реке Амуре... нет, а купить негде [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 205]), принял решение отправить ненадежного никанца в Якутск.

В Якутске «иноземцы Никанского царства выходцы» подали воеводе челобитную с просьбой о поверстании их в «государеву ленскую службу». Кто был инициатором челобитной – сами «выходцы» или якутские власти, можно только гадать. Но из нее мы узнаем имена никанцев: «по бусормански Тенур да Чагу да Хиштко... а во крещене им имяна Тимошка да Митька Ивановы, Васька Марков»⁸. Первые два, судя по данной им одной фамилии, возможно, были близкими родственниками или у них был один крестный отец. Третий же – В. Марков – это тот, который пытался бежать. В архивном деле на склейке листа с челобитной (лист 10-й) и листа с изложением отписки Степанова (лист 11-й) сохранилась скрепа – начало воеводской резолюции: «163 г(ода) июня в 15 де(нь) велеть иноземцов в ...». На склейке 11-го и 12-го листов скрепа отсутствует, а нижний край 12-го листа оборван, вследствие чего имеющаяся там скрепа не поддается прочтению. В результате полная резолюция воеводы остается неизвестной, так же как и дальнейший жизненный путь двух никанцев – Дмитрия Иванова (Чаги) и Василия Маркова (Хишто).

О Тимофее же Иванове известно, что в том же 1655 г. он был отправлен из Якутска в Москву, но его задержал в Енисейске А. Ф. Пашков, собиравшийся в поход в Даурию. Пашков намеревался взять никанца с собой «для толмачества китайсково и даурсково и тунгуссково языка», однако 18 июля 1656 г. «толмач Тимошка своровал, по подговору Ивана Акинфова (енисейского воеводы в 1655–1657 гг. – А. 3.) ... з дороги с Енисея-реки в Енисейской острог збежал к нему, Ивану Акинфорву, на двор. И Иван Акинфов тово толмача Тимошку из Енисейсково острогу свез с собою к Москве». Сообщая в Сибирский приказ об этом факте, Пашков называл Т. Иванова толмачом и новокрещеном, отмечая особо, что он «учен китайской грамоте». Пашков также сообщал, что «поверстал ево, Тимошку, в Енисейском остроге в казачью службу», выдал ему жалованье «вперед на 165 год» (1656/57 г.) и «дал ему на платье своих 20 рублей» [Там же. С. 236]. Упоминания о том, что Т. Иванов прибыл в Енисейск как «Даурския земли толмач», и о верстании его в службу по Енисейску, дают основание утверждать, что в Якутске его, как, видимо, и двух его сотоварищей Лодыженский определил лишь в толмачи, но не зачислил при этом официально в состав якутского гарнизона.

В. С. Мясников в комментариях к отписке Пашкова, опубликованной в первом томе «Русско-китайских отношений в XVII веке», предположил, что Т. Иванов «вероятнее всего... был китайцем, бежавшим в Россию из Даурии, куда был продан маньчжурами в рабство» [Там же. С. 554]. Приведенная нами выше информация из документов Якутской приказной избы позволяет уже точно идентифицировать Т. Иванова как китайца Тенура, пришедшего в отряд О. Степанова в один из дней во временном промежутке с сентября 1654 по начало марта 1655 г. В комментариях также отмечается, что во время пребывания в апреле 1675 г. в Тобольске посла в Китай Н. Г. Спафария перевод для него китайских грамот осуществил, «вероятно... тот же Тимофей Иванов», живший в сибирской столице [Там же. С. 529, 539, 554]. Это предположение может оказаться как верным, так и неверным. Причем любая версия, не подкрепленная источниками, остается лишь плодом логических умозаключений.

Обнаруженная нами в делах Сибирского приказа челобитная Т. Иванова позволяет уверенно считать, что он прибыл в Москву. Челобитная небольшая, поэтому приведем ее почти полностью, сократив лишь царскую титулатуру: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю... бьет челом сирота твой, государь, доурской выходец Тимошка Иванов сын

⁷ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 1127. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 10.

Ника. Вышел я, сирота, твой на твое государево имя и ныне я, сирота твой, на Москве скитаюсь промеж двор. Милосердный государь ... пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, меня отпустить в Сибирь и поверстать в конные казаки в Томском городе и о том дать свою государеву к воеводе грамоту, чтоб мне, сироте твоему, волочась меж двор, голодную смертью не умереть и в конец не погибнуть и твоей царской службы не отбыть. Царь государь смилуйся, пожалуй»⁹. На челобитной имеется резолюция: «165 г(ода) (1657 г. – А. З.) мая в 17 де(нь) приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой (судья Сибирского и Казанского приказов. – А. З.) велел ево отпустить в Енисейской в казачью (так в тексте) в Томской в конные казаки»¹⁰. Третьего июня 1657 г. появилась соответствующая грамота, согласно которой «доурскому выходцу Тимошке Иванову сыну Нике» велено быть в Томске в конных казаках¹¹.

Нет никаких сомнений в том, что автором челобитной являлся Тенур-Тимфей. Во-первых, фамилия, а точнее прозвище «Ника» есть явно сокращенная форма от «никанец». Во-вторых, челобитчик назвал себя «доурским выходцем». В-третьих, время подачи челобитной соответствует вероятному времени появления в Москве Т. Иванова, выехавшего из Енисейска либо во второй половине 1656 г., либо в начале 1657 г.¹² В-четвертых, допущенная в резолюции описка «в Енисейской в казачью», которая была зачеркнута, указывает на то, что в Сибирском приказе знали о прибытии Т. Иванова из Енисейска, поэтому Трубецкой в своем устном распоряжении и допустил поначалу такую оговорку.

Однако челобитная заставляет поднять ряд вопросов. Почему Т. Иванов оказался в Москве «волочавшимся меж двор»? Почему он, будучи китайцем-никанцем, не привлек внимание властей? А ведь с 1650-х гг. Посольский приказ в связи с интенсификацией контактов с Китаем нуждался в людях, знающих китайский язык. Среди переводчиков и толмачей этого приказа во второй трети XVII в. не было ни одного, умевшего переводить с китайского [Беляков, 2001. С. 11–13]. Последнее подтверждается и тем обстоятельством, что перевод китайских грамот, врученных Спафарию, был осуществлен не в Москве, а в Тобольске. Почему Т. Иванов, поверстанный Пашковым в казаки, в своей челобитной назвал себя «сиротой»? Такая самоидентификация в обращениях к царю была принята у тяглых людей, тогда как служилые люди называли себя «холопами». Почему, наконец, автор челобитной захотел служить именно в Томске?

Мы не знаем, что случилось с Т. Ивановым после 1657 г., и он ли переводил китайские грамоты в Тобольске. Спафарий не указал ни имени, ни фамилии переводчика. Не назван Т. Иванов и среди тех «служилых и иноземцев, татар и бухарцов» (в том числе бывавших в Китае!), которые в 1675 г. в Тобольске подверглись расспросам о возможном маршруте движения посольства Спафария в Китай. И если наш Иванов в то время был в сибирской столице, то представляется весьма странным отсутствие его расспроса: ведь он среди тоболян был явно лицом неординарным – китаец, да еще «ученый китайской грамоте»! Не упоминается китаец и среди персонала посольства [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 346, 347, 459, 460]. Ничего не сообщал о каком-либо китаец и Ю. Крижанич, бывший в Тобольске в 1675 г., хотя он счел нужным упомянуть в своем «Повествовании о Сибири» о проблеме с переводом на русский язык «грамоты», «написанной китайскими письменами», и о проезде через Тобольск посольства Спафария [Алексеев, 2006. С. 461, 462]. Заметим также, что в «перечневом списке» тобольских служилых людей за 1677/78 г. упоминаются толмачи «татарские», «калмыкские» и «остяцкие», но нет толмача «китайского» [Тобольск, 1885. С. 32]. Получается, что человека, переведившего китайские грамоты в 1675 г., в 1678 г. в Тобольске уже не было, либо он не числился там в составе официальных толмачей. Если же Тенур-Тимофей все же находился в 1675 г. в Тобольске (возможно, не доехав из Москвы до Томска), тогда можно предположить, что ранее, в 1669 г., он был привлечен тобольским воево-

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 560. Л. 219.

¹⁰ Там же. Л. 219 об.

¹¹ Там же. Л. 220.

¹² В литературе считается, что И. П. Акинфов, который вывез Т. Иванова, пробыл в Енисейске на воеводстве до 1657 г. включительно. Однако его сменщик М. Г. Ртищев был назначен воеводой 17 февраля 1656 г. [Вершинин, 1998. С. 155]. Это дает основание предположить, что Акинфов выехал из Енисейска в 1656 г.

дой П. И. Годуновым к составлению свода сведений о Китае, известного как «Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индии» [Ведомость о китайской земле, 1961].

В заключение укажем на то, что в «Именном указателе» к первому тому «Русско-китайский отношений» Т. Иванов фигурирует одновременно как толмач китайского языка и как казак Албазинского острога на Амуре в 1675 г. [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 236, 479, 578]. В 1678 г. в якутском гарнизоне в казаках значился еще один Тимофей Иванов¹³. Но если двух последних Ивановых – албазинского и якутского – вполне можно признать одним человеком (якутские казаки в то время часто несли службу на Амуре), то вряд ли китаец Иванов имел к этим своим тезкам хоть какое-то отношение.

Следы трех китайцев, прибывших в 1655 г. в Якутск, в последующие годы теряются на бескрайних просторах Российского государства. Но зная их русские имена и фамилии, полученные при крещении, уже вполне возможно обнаружить дополнительную о них информацию в архивных и опубликованных документах. В частности, именные списки томских служилых людей, составленные после 1657 г., дали бы информацию о том, был ли среди них Т. Иванов¹⁴, а документация по Тобольску за середину 1670-х гг. могла бы помочь выявить, что за китаец в то время находился в сибирской столице и был ли это Тенур – Тимофей Иванов. В последующее время китайцы – пленные и перебежчики – появятся у русских уже в 1680-х гг. во время очередного масштабного русско-маньчжурского столкновения на Амуре (см.: [Дополнения..., 1867. С. 254, 265; Александров, 1984. С. 145]).

Список литературы

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 271 с.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с.

Артемьев А. Р. Русская православная церковь в деле освоения Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII – первая четверть XVIII вв. // Восток-Россия-Запад: исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика В. С. Мясникова. М.: Памятн. ист. мысли, 2001. С. 84–93.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа второй трети 17 века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 21 с.

Ведомость о китайской земле / Публ. П. Е. Скачкова // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1961. Вып. 2. С. 206–219.

Вернадский Г. В. История России: Московское царство. Тверь; Москва: Леан; Аграф. 1997. Ч. 2. 414 с.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1867. Т. 10. 504 с.

Записки о Нингуте / Пер. с кит. В. П. Васильева // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1857. Кн. 12. С. 79–109.

Захаров И. И. Полный маньчжуро-русский словарь. СПб., 1875. 1129 с.

Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 752 с.

Мазуров И. В., Пастухов А. М. Очерки истории Российского Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2009. Кн. 1. 382 с.

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: ГРВЛ, 1980. 312 с.

Русско-китайские отношения в XVII веке: Магистральные и док. / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 613 с.

Соколов В. Н. «Никанское царство»: образ неизвестной территории в истории России XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999. 21 с.

Спафарий Н. М. Сибирь и Китай. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1960. 516 с.

¹³ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2170. Л. 21, 32.

¹⁴ В именной книге томских служилых людей 1680 г. Т. Иванов не отмечен [Томск..., 1911. С. 35–45, 54–135].

Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. 163 с.

Томск в XVII веке: Материалы для истории города. СПб., 1911. 169 с.

Фишер И. Э. Сибирская история. СПб., 1774. 631 с.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. 323 с.

Материал поступил в редколлегию 05.05.2012

Andrey S. Zuev

THE FIRST CHINESE IN THE RUSSIAN STATE (IN THE MIDDLE OF XVII CENTURY)

On the basis of published and archival documents the information about the appearance of the first ethnic Chinese as prisoners of war and fugitives in the Russian state in 1650s is given.

Keywords: Siberia, Russian-Chinese relations, the Chinese, nikantsy, the interpreters.